

CLAVIS ARTIS

ИЛИ ДИАЛЕКТИКА ИСКУССТВА

Сафаров Анар

Мыслильня

2026

Введение 7
Раздел первый. 10
Глава первая. Сознание 10
А Сознание 10
1 Инстинкт 10
2. Ощущение 12
3. Привычка 13
4. Основание «Я» 14
В. Осознание 17
1.Конкретизация всеобщности 18
2. Вещь 20
С.Воображение 21
1. Воображение вообще 21
2. Представления 22
2.1. Образ. Форма и содержание 22
2.2. Звук 24
2.3. Тактильность. Обоняние. Вкус 25
3. Игра воображения. Хаос 26
4. Структурирование представлений 28
Раздел второй. Рассудок 31
Глава первая. Понятие 31
А.Язык. 33
В. Коммуникация 34
С. Абсолютное «Я» 36
Глава вторая. Абсолютное самосознание 37
А. Абсолютное «Я» и представления. Личность 39
В. Органон рассудка 40
С. Для-себя-бытие 41
Прибавление к разделу 1. 42
Раздел третий. Творческий рассудок 44
Глава первая. Первоначальное творчество. 45
А. Игра 45
1. Чувственная игра 46
2. Игра с правилами 47

3. Хозяйственное произведение. Ремесленничество 48
3.1. Становление хозяйственного сознания 49
Глава вторая. Первоначальное творческое произведение 52
A. Творческий хаос 52
B. Формы образов 54
C. Художественный хаос 55
Глава третья. Структурированное творчество 57
Переход в сферу искусств или становление художественного сознания 57
A. Структурированное художественное произведение 61
1.1 Об художественном, живописном произведении вообще 61
1.2. Становление структурированного художественно-живописного произведения 64
1.3. Раздвоение 72
1.4. Рефлектированное художественное сознание 73
B. Скульптура 90
2.1. О скульптуре вообще 90
2.2. Развитие скульптуры 90
2.3. Пространственное противоречие сознания 96
C. Музыка 98
3.1. Музыкальная трансцендентальность сознания 104
3.2. Становление музыки 110
D. Литература 135
1. Поэзия 135
2. Миф и письменность 136
3. Эпос. Лирика. Драма 137
4. Абсолютное литературное сознание 140
F. Театр 141
1. Экстатическое действо 142
2. Мимическое действо 144
3. Первоначальное театральное действо 145
3.1. Исполняющие действо 146
3.2. Сюжет 147
4. Противоречие театрального сознания 150
5. Абсолютное театральное сознание 152
G. Кино 156
1.Фиксирование 156
2. Видеосъемка 162
3. Кинематограф 167

3.1. Рефлектирование кинематографического сознания....173
3.2 Абсолютное кинематографическое сознание....175
3.3. Сериалы....176
3.4 Иные модусы киносознания....177
H. Видеоигры....180
1. Первичное бытие видеоигр....181
2. Опосредованное бытие видеоигр....182

Введение

Изначально этот трактат был диалектическим исследованием, постепенным выведением истины, восхождением от простых форм, до сложных. Однако, чем ближе я подбирался к концу, тем острее мне являлось мне подозрение, что где-то тут замешан метафизический, ослепляющий яд — я понял, что я поддался тому, к чему ранее относился со скепсисом: я стал идеалистом. И хотя я уверял себя, что я вышел за грань «идеализма» и «материализма» — все же, сама система была построена на рамках идеализма… Более шести месяцев я раздумывал над своими идеями, и более шести месяцев я писал данный труд. — Итак, изначально я задумывал три части: первая, посвящена «чувственности», вторая «рассудку», и третья «разуму». Я хотел показать, как через эти три этапа сознание становится «в-себе»: так, первым этапом становления предполагалось мной как «непосредственно данное», и далее, от этого непосредственного к искусствам; второй раздел — предполагал рассмотрение «понятийного, но занимающегося еще чувственностью: это суть науки. И я хотел показать, как эти «эмпирические» и «точные» науки сами себе противореча, выходят из рамок «чувственности», и становятся чисто теортитическими. Таким образом, становясь чисто теоретическими — они входят в поле философии. Третья и последняя часть была постепенным рассмотрением философии, и заодно и критикой разных школ. В конце концов, я хотел показать, как моя философия вбирает в себя разные концепции: я хотел показать, что все они истинны. Это происходило от переворачивали скептицизма, гласящего, что истины нет: ибо все друг другу противоречит: если перевернуть этот тезис, то мы придем к тому, что «все есть истина»… Так, я бы вышел за рамки всех философий вообще. Но… Ах! Как поздно я опомнился. Таким образом, эта работа планировалась диалектической и в то же время феноменологической. А именно: я хотел показать диалектическое, постепенное становление сознания: от простого к самому сложному: философии, и моей системе. Что ж!… Почему

же я от нее отрекся? Я посчитал слишком смелым однозначно говорить, что «так-то так-то» сознание становится. Я посчитал, что моя система слишком абстрактна… В последнее время я хочу написать конкретную феноменологию. Кроме того, в последнее время мне перестал нравится язык, которым написана эта работа: он слишком гегельянский, слишком чуждый прозаику как я. В то же время, я был глубоко убежден, что только такой язык может передать глубину метафизической мысли. Что ж! Я не открещиваюсь от этих слов… Другое дело: чем должна вообще заниматься метафизика. Ибо одной из причин того, почему я открестился от этой своей крайне масштабной идеи стало подозрение на самого себя: я создавал Бога! Ах! Как чужд мне этот Бог — как я всегда бежал от него, как я подозрительно всегда на него смотрел: он мне всегда казался злобным, алчным, слишком скучным, слишком пустым… Да уйдет эта затхлость из моего духа. Все же! Все же: я считаю что первая часть трактата может быть выделена и выпущена как отдельный трактат. Это своего рода «диалектическая алхимия искусства». Да, тут есть та скучная «необходимость» идеалиста-диалектика, но я призываю вас смотреть на нее под другим углом: несколько исторически. Ибо в самом деле, тут все напоминает «историческое становление». Впрочем, возможно когда я писал эту работу, я был прав, в том, что будущий этап становления в искусстве включает в себя предыдущий: последующее в сущности сложнее, нежели предыдущее. На основе этой концепции я и собирался написать весь трактат. Опять же! Причина по которой я отказался продолжать его писать, дак это метафизика: такие трюки там не прокатят! Чтобы заявить, что диалектика работает и в абстрактном — надо стать идеалистом. Но я не хочу, чтобы меня рассматривали как идеалиста. Я вообще не хочу накликать на себя предикаты…

Что ж! Поскольку я решил выпустить лишь первую часть, и счел ее крайне самостоятельной, то мне нужно было переиначить и суть и название. С сутью мы разобрались. Но что с названием? Недавно я наткнулся на очень любопытный алхимический трактат, написаный, якобы, Зороастром.

Название трактата: Clavis Artis — ключ к искусству. Что ж! Звучит очень хорошо, очень подходяще для моего озорного духа познания. И да станет этот трактат своего рода ключом к искусству как таковому — пусть он позволит взглянуть на человека и его творения по иному: игриво, азартно, подобно танцу, подобно музыки. И вот еще что: я был глубоко убежден, что я пишу трактат, словно пишу музыку. Да станет этот трактат, своего рода, еще одной моей песней…

Раздел первый.
Глава первая. Сознание

А Сознание

1 Инстинкт

Инстинкт есть непосредственное, самая первая форма, которую принимает сознание; или точнее, это есть модус сознания как таковой, а если говорить точнее, первый из его модусов. Инстинкт есть природный порыв, воля к действию через природу, которая непосредственно содержится в организме; сам этот акт сознанием не осознается – это есть полный мрак, тьма, забвение сознания в себе же.

Итак, сперва сознание заперто в себе же, в своем непосредственном природном состоянии; оно является не как то, что я вижу и вижу, что это прооявление мое, а это проявление сугубо есть порыв, импульс тела, желания и влечения. Инстинкт вожделеет по объекту, дабы выжить он должен напитать себя; однако в этой воле к объекту он не осознает себя, он есть мрак этого случайного порыва, полное забвение. Он стремится к внешнему, но сам не может его достичь, ибо сознание не знает даже, что оно вообще есть и есть ли оно вообще. Инстинкт в первоначальном виде сам по себе глух, слеп, и самостоятельно ничего не может достигнуть; впрочем, далее, инстинкт будет видим для сознания и сознание будет с помощью разума играться с инстинктом: или укрощать его, или подпитывать; сдаваться или побеждать. Но сперва, сознание не есть ничто, кроме этого глухого порыва к объекту.

Организму чтобы существовать нужно пропитание как таковое; но поскольку сознание само по себе глухо в себе же, не осознает себя, не осознает свое вожделение к предмету – то это вожделение есть автомат организма, воля которого видна лишь через внешние телесные признаки. Когда инстинкт вожделеет, организм проявляется не в роли осознания себя и своего действия, а в роли чего-то механического – в роли знака для иного вообще. Инстинкт

дабы выжить про себя же и в себе же, механически вырывается из сознания как выражение в телесном, и таким образом, дает иному знак о себе, что оно вожделеет. Это иное – есть вообще точно так же есть живое существо, осознающее себя, обладающее разумом – родитель, который видит, что сознание инстинкта – ребенок, вожделеет. Родитель заботиться о ребенке, устраняет вожделение, и инстинкт успокаивается, до следующей нужды организма.

Однако, поскольку инстинкт вожделеет, подпитывается, а родитель дает, тратит, теряет – то первое за счет второго, посредством чего-то третьего становится или развивается как организм. Это третье есть предмет вообще, посредством которого организм подпитывается и с помощью чего инстинкт подвергается негации. Таким образом, организм подпитываясь этим третьим посредством родителя растет, развивается, становится. Раскрытие инстинкта, удовлетворение его акта, т.е. его вожделения, есть для организма вообще полезность, за счет которой он развивается вообще. Впитывая иное, вещь с помощью, которой инстинкт устраняется, организм растет, мрак начинает отступать; ибо за счет того, что инстинкт впитывает, он начинает обладать содержанием, которого раньше не было; и, хотя это содержание напоминает решето, в которое вливается вода, ибо это содержание пока не фиксируется в полном виде, но постепенно, если в это решето влить много воды, на нем останется налет – точно так же и обогащается инстинкт. Глухой мрак, постепенно за счет устранения вожделения начинает отступать, ибо в него вливаются частички света внешнего царства.

Таким образом, за счет появления в нем содержания, которое есть еще в совершенно голом виде, в неосознанном данном, как самая первая перцептивность – появляются ощущения как таковые, как слепки от отпечатков пальцев. Однако, с инстинктом уже наличествуют органы чувств как данное в организме, но сами эти ощущения появляются в сознании после негации вожделений инстинкта как то, что уже было дано и как то, что сохранилось в сознании в очень смутном виде. Итак, снятие инстинкта и его

вожделения – ведут как к своему результату к ощущению как таковому, которое сознание в своем первозданном виде в себе сохраняет, но не осознает это сохранение; это не есть воспоминание и память как таковая, а запоминание организма, запоминание чисто механическое, что помогает этому организму вообще быть, делать первые шаги в мир.

2. Ощущение

Итак, организм как таковой уже есть инстинкт, который перетекает в ощущение, ибо инстинкт наполняет себя же содержанием. Организм перетекает из пустого того, что содержится в нем – перетекает в некоторое содержание извне. А именно: организм благодаря органам чувств и некоторому вожделению внешнего объекта – инстинкту наполняется содержанием; содержание удерживается в организме. Однако, это наполнение есть наполнение без удержания, оно есть лишь заполнение инстинкта, но оно в себе еще не осознанно. Оно простое ощущение, ощущение которое есть взаимодействие с объектом вообще, без осознания себя в этом взаимодейтсвии; пустое наполнение инстинкта.

Однако, это пустое наполнение, за счет того, что организм потребляет, а именно: инстинкт запрашивает, вожделеет об объекте и в то же время получает содержание, впечатления – организм таким образом, растет. Инстинкт как вожделение есть негация объекта в себя же; эта негация в себя – есть новое ощущение; но это же новое ощущение есть не полная негация в организме, как того, что просто потребляется; благодаря потреблению организм растет – это его сущность: перерабатывать внешнее во внутренее; не полностью употребить и уничтожить объект, а в то же время сохранить в себе часть от этого объекта, и за счет этого установить себя в своей сущности, расти, укрепить себя.

Это укрепление происходит не само по себе, а нуждается в третьем, как посреднике; мы уже выше сказали, что сам по себе простой, только явившийся

организм, простое сознание, не может получать питание сам по себе, а нуждается в ином. Таким образом, организм вожделеет предмет, получает кормление, получает новые ощущения, которые не исчезают, а позволяют сознанию осуществится.

Итак, это сознание вообще осуществляется через иное, потребляет предмет, но через посредника. Тем самым оно вырастает. Ощущения сохраняются в сознании как накопляемое вообще; содержание перетекает постепенно из количества в качество; из того, что непостоянно, плавуче, гибко – оно закрепляется в сознание как в привычку или в некоторое устойчивое бытие в сознании. Инстинкт устремляясь к объекту, и тем самым, приобретая вообще ощущение, через плавучее содержание в сознании (ибо пока что сознание не закрепляет содержание), постепенно начинает приобретать устойчивость; сознание через потребление, через впитывание ощущений закрепляет себя в бытии и тем самым осуществляется. Оно, иначе говоря, познает внешний мир, выходит вовне, и тем самым, становится для себя.

3. Привычка

Закрепление себя через плавучее ощущение, и тем самым, становление этого плавучего ощущения в нечто устойчивое – есть привычка (если такое слово можно применить к данному этапу рассуждения). В этой привычке сознание еще не осознает себя, а есть то внешнее, что имеется для сознания как содержание; это содержание есть вообще что-то чуждое для сознания, ибо сознание в этом содержании еще не видит себя. Это содержание играет роль для сознания в виде подсознательного, наподобие инстинкта. Но если инстинкт голое бытие организма, то привычка уже в сущности бытие определенного сознания, которое формируется под чем-то извне, из того, что дано в окружающем мире. Итак, привычка есть голое сформировавшееся ощущение, которое дано для сознания как нечто чуждое, оно себя в нем не осознает. Однако, поскольку сознание в себе не статично, а подвижно, то тем

самым, за счет большого количества ощущений, формируется множество привычек; привычка есть в сущности то же самое, что и пристрастие, или некоторое укрепившееся ощущение, вожделение ко внешнему. Но в то же время эти привычки с течением сознания снимаются. Привычка уничтожает другую привычку.

Однако, это течение пристрастий, привычек вообще, есть некоторое становление, укрепление сознания вовне, наподобие того, как это было с ощущением. Привычка есть тот же промежуточный этап для сознания, который позволяет укрепить сознание, укрепить его выход и связь с внешним. Но если ощущение вообще есть укрепление привычки, переход постоянного потока ощущений в одну привычку, то наподобие этого, сам ход привычек и их множественность позволяют окончательно связать сознание с внешним и в нем, так сказать, встать на ноги. Если еще поток ощущений есть шаткое и они закрепляются в сознании как привычка, то поток привычек, а, следовательно, невероятно большой поток ощущений есть становление сознания как укрепившегося вовне; из-за этого большого количества ощущений, сознание обогащается множеством привычек и тем самым, есть то, что осуществляется.

4. Основание «Я»

Эти ощущения и их поток как постоянность, как то, что укрепилось есть в то же время и то содержание сознания, которое не просто сохраняется в нем, а эта его статичность в виде привычки позволяет ему видеть себя устойчивым вообще.

Хотя конечно и в постоянном потоке ощущений сознание может видеть себя, но тут речь идет о самом простом сознании, как то, что вышло из инстинкта, и есть вообще самое простое и первое. Ведь сознание уже укрепилось за счет привычек и имеет за собой большое количества содержание, которое позволяет подвести все это содержание под единство – под *основание*.

Итак, сознание начинает синтезировать эти привычки в нечто единое; за счет чего-то постоянно данного, за счет устойчивости вообще, за счет фиксированности содержания – сознание начинает видеть это устойчивое; это содержание больше для него не решето в воде. Устойчивое бытие, привычка есть предмет его внимания, а поскольку это устойчиво бытие – привычка – не одна, а оно в сознании наличествует в большом многообразии, то это многообразное содержание фиксируется и перетекает в нечто одно. Наподобие того, как мы многообразие содержания фиксируем под одним названием и так образуется понятие как таковое – точно также это многообразие привычек образует единое основание. Это подведение многообразия содержания под единое есть в сущности нечто само по себе естественное для сознания, нечто пока что инстинктивное, непосредственное, что позволяет ему развиться. Это необходимый момент перетекания устойчивого многообразного содержания в что-то одно. Синтез не выполняется сознанием, а само это устойчивое содержание плавно перетекает в единое за счет того, что это многообразное уже полагается в чем-то одном как таковом; и это одно становится для себя одним через это многообразие; ранее же, мы видели, что это многообразие плавает в сознании без того, чтобы сознание видело это содержание и это свое единство. Теперь же, сознание как одно сознание видит это многообразие содержания как содержание, которое полагается в нем же; это полагание многообразия содержания как устойчивого в устойчивое «одно». Итак, многообразное устойчивое содержание – привычки - вообще подводятся под одно, и тем самым снимаются; теперь это бытие одним есть бытие сознания как бытие чистого трансцендентального основания. Их содержание в то же время и сами они не уничтожаются, а перетекают в это бытие «одним» и составляют его части – части целого вообще.

Это единство не берется извне; это подведение многообразия под нечто одно, под единство вообще, уже содержится в сущности сознания, ибо сознание есть как бы основа, на котором вырастает содержание; и в то же

время, за счет роста и укрепления содержания, эта основа возвращается к себе же как чему-то устойчивому. Точно так же, я показал развитие сознания из понятий, которые лежат в основе человеческой жизни – организма как такового: в организме как таковом уже содержится момент инстинкта, момент органов чувств, а, следовательно, и момент ощущения; ощущения за счет движения сознания приобретают количественное соотношение, и далее, перетекают в качество. Качество есть уже нечто укрепившееся для количества, и количество качеств есть в точности переход в сущностное содержание – в основание как таковое; ибо это многообразие качеств и их количество есть само содержание сознания; это устойчивое содержание сознания позволяет прийти сознанию к себе же; пустое сознание через иное, через многообразное содержание становится для себя же – становится основанием, как формой сознания.

Итак, многообразное содержание перетекает в единство, что есть основание. Содержание является в основании в двояком ключе: как внешнее, как мир вообще, как наличное, чувственное бытие и как внутреннее содержание, которое уже налицо, т.е. как память вообще. Однако, оно еще не есть то, что знает себя как свою самость и свою сущность; основание существует в себе непосредственно, как нечто данное, но не знает, что оно может. Для познания себя, оно должно познать внешний мир как то, что дается этому основанию; основание должно обуздать внешний мир, дабы в нем раскрыть себя. Оно знает, что все то, что оно имеет в себе– все это есть его содержание, что есть памятование вообще.

Основание «Я» есть лишь сумма образов и сумма содержания, которое не стало сущностью, не стало тем, что знает себя как самость и сущность; «Я» не знает свою мощь и не раскрывается вообще – оно непосредственно является себе же как основания для «Я»; но в этой форме бытия, оно еще не знает себя, т.е. не существует для-себя и опосредованно.

Содержание данное основанию «Я» есть то, что ему явилось непосредственно, что содержится в нем, но ему не принадлежит; ибо все ранее

ему данное «сложилось само собой»; содержание ему далось через посредника вообще и через природу организма; основание «Я» тут непосредственно себя как сущность и свое проявление – не знает. Сознание и модус, который оно принимает есть основание «Я», цель которого познать себя через иное.

Но поскольку тут является основание «Я» - содержание не есть больше нечто инстинктивное или то, что производит организм в своей необходимости для своего же поддержания; содержание тут является как то, что предстает перед основанием «Я» и «Я» видит это содержание.

«Я» взаимодействует с этим содержанием как наличным миром, как чем-то, что находится вне и с чем-то, что «Я» открыто. «Я» начинает игру с этим содержанием. Внешний, наличный мир является ему в неимоверном многообразии, в котором «Я» вообще рассеивается; «Я» видит мир в расплывчатом виде, как бесконечное количество разнообразных и разрозненных моментов. И поскольку «Я» взаимодействует с этим многообразием, и поскольку «Я» есть уже синтез всего многообразного, «Я» поглощает в себя все это многообразное, и тем самым расширяет свое «Я». «Я» получает развитие, за счет этого бесконечного внешнего содержания.

Тем самым, через некоторое основание «Я» наполняет себя содержанием и знает свою власть над внешним. Но само «Я» не есть знание себя, а оно лишь существует в форме некоторого укрепленного и закрепленного основания. Это наполнение себя содержанием есть вообще развитие сознания, обогащение, первое вступление в мир. Сознание видит себя как свои действия и свое «Я» в своем же проявлении. Это есть осознание вообще.

В. Осознание

Осознание – есть результат выхода основания «Я» вовне, и рефлектирование в себя же через иное. Сознание видит многообразие образов, устремляется к ним, поглощает, и тем самым, так же наблюдает себя в этом

процессе; наблюдение за собой и своим действием вовне, а, следовательно, уже наблюдение своего «Я» в отношении к вещи – есть модус сознания как *осознание.*

По началу, это внешнее вообще есть многообразное, неопределенное, а, следовательно, абстрактное вообще; это есть смутный образ вещей во всей его всеобщности. Поскольку это многообразное еще абстрактно, размыто, неопределенно, то осознание тут предстает в тусклом виде. Чтобы конкретизироваться само в себе, оно устремляется, в-первую очередь, выйти из абстрактности познания вещей. Абстракция вещей тут предстает как многообразное вообще – множество вещей, которое осознание обнаруживает вовне. Оно уже испытало себя в отношении вещей как определенная сила, но эта сила ранее направлялась во всеобщее и смутно его постигало. Постижение само по себе было направлено на все, и, следовательно, на ничего; ибо это познание, направленное на всеобщее – на множество вещей само по себе не дает сознанию какого-либо определенного материала. Итак, в-первую очередь, осознание направляется на конкретизацию себя через конкретизацию вещей; из абстрактности и всеобщности осознание переходит к познанию определенной вещи, как то, что ему является в чувственности вообще – как то, что непосредственно ему дается.

Примечание. Впрочем, термин осознание вполне удачный для данного этапа становления сознания. Ибо понятие «осознание» можно подвести к «о-сознанию». И поскольку сознание стремится познать себя через вещность, то, сознание пребывая в-себе, через познание иного (на что отсылает само «о»), познает себя. Тем самым, сознание и вещность есть о-сознание.

1.Конкретизация всеобщности

Конкретизация всеобщности – есть переход от абстрактности - многообразия вещей, к определенному, к тому, что ему дается непосредственно. Хотя может показаться, что сознанию вещь сначала является

непосредственно в чувственности, а потом во всеобщности – но нетрудно показать, что дело обстоит обратным образом. В самом деле, в познании сознание схватывает некоторый образ вещи, а потом углубляется в конкретное. Глазу дается сначала общее, и он видит общее в абстракции, как бы, размыто. Далее, же внимание переключается на конкретность вообще, на определенную характеристику вещи: форма, цвет, и т.д. Точно таким же образом, осознание схватывает многообразие вещей, а далее, переключается на конкретную вещь; мир предстает сначала самосознанию в размытом, общем виде: в виде многообразия представлений; и далее, осознание устремляется на познание конкретной вещи вообще.

Итак, сознание познает конкретную вещь. Познание на данном этапе суть только чувственное схватывание вещи. Данный этап формообразования сознания отличается от формообразования сознания, которое мы описали в подразделе «ощущение» - тем, что теперь сознание, поскольку имеет некоторую под собой основу (субстанцию) – оно ему дано как «Я» - не пропускает через себя чувственные впечатления, как ранее было, а познает их сполна, заполняет себя ими. Ранее, сознание лишь крепло «под собой», а теперь «в себе».

Ощущения есть инструмент конкретизации многообразного вообще; хотя это многообразное уже схватывается общим образом в этих ощущениях, но они еще не определены, сами по себе они смутны. Итак, ощущение направляется на единичную, определенную вещь, и тем самым, «Я» схватывает эту вещь через многообразие того, что в ней созерцается. В вещи «Я» является многообразное содержание, как многообразие чувственных явлений; это многообразие оно познает одно за другим и объединяет в единый образ – образ определенной вещи вообще. Оно видит каждое чувственное данное, познает их многообразие уже в конкретной вещи, и тем самым, соединяет их в одно – в вещь вообще.

2. Вещь

Вещь схватывается осознанием. Вещь есть многообразное содержание простых форм чувственного созерцания. Осознание сначала схватывает самое простое, как то: форма, цвет, вес, и т.д., и далее, все эти простые созерцания оно подводит под единое вообще – под «эту» определенную вещь. Вещь является самосознанию как нечто конкретное в чувственном схватывании. Но это лишь именно что «чувственное схватывание». Ибо тут не дано само понятие, которое бы определяло вещь в максимальной конкретности: как вещь и ее сущность, природа. Тут дано лишь внешнее, чувственное очертание.

Тем самым, схватывая вещь, сознание точно так же и познает себя. Ибо, схватывая вещь, сознание видит себя в этом схватывании, впитывает ощущения, которые ей являются, знает «эту» вещь как вещь, что ему является. Этим схватыванием вещи оно обогащается: 1) обогащается чувственными созерцаниями, как тем простым, что является в вещи; 2) обогащается представлением как целостностью вещи. Тем самым, оно впитывает в себя бесконечное количество модификаций этих простых ощущений; ибо каждая вещь отлична от каждой другой, а, следовательно, сознание в себе же обретает бесконечный, чувственный материал ощущений.

Итак, осознание устремляется вовне: оно из всеобщего многообразия вещей, конкретизируется и познает теперь конкретную вещь. В этой конкретной вещи оно познает многообразное этой вещи и через это многообразное, через множество чувственных созерцаний познает и саму вещь; но в то же время, в этом же познании, осознание познает и себя. Ибо, познавая внешнее вообще, оно в этом внешнем видит себя как «Я», и тем самым, видит, что именно «Я» познаю «эту» вещь. Итак, познавая внешнее и его конкретизируя, осознание само по себе конкретизируется. Однако, это еще есть сущая простота самосознания. Оно еще не знает своего «Я» как «Я», ибо ему не дана форма слов. Это станет ясно из последующего изложения.

С.Воображение

1. Воображение вообще

Познавая вещь вообще в ее многообразности, осознание впитывает ее содержание в себя же. Это сохранение содержания вещи вообще есть образ представления; представление вообще возможно благодаря памяти, способности сознания самой по себе. Без памяти невозможно было бы развитие сознания. Таким образом, сознание из вещности и ее содержания рефлектируется в себя же и обнаруживает содержание, которое ранее оно находило в вещи в себе же. Это сохранение образа в себе – представление как таковое, теперь является существенным моментом самосознания как то, что позволяет ему в себе же конкретизироваться. Ибо в самом деле, оно не могло бы себя же конкретизировать, если бы не видело вовне себя многообразное содержание и не объединяло его под единением, под «вещью» вообще, а тем самым, не сохраняло образ этой вещи в себе же. Ибо тогда, оно все время заново познавало бы вещь; вещь каждый раз являлось ему чем-то новым; однако, развитие таким способом невозможно. Тем самым, конкретизируя вещь, сознание за счет содержания вещи, конкретизирует себя как сохранение представления о вещи; представление о вещи точно так же есть и многообразное содержание «этой», определенной вещи и ее целостность.

Итак, это представление как акт самосознания, как рефлектированность в себя же через содержание вещи – есть начало воображения. Ибо воображение – есть способность произвольного воспроизведения образов в сознании. Осознание видит в себе эти образы и тем самым, воспроизводит с помощью памяти. Воспроизводя образы благодаря приобретенному ранее содержанию извне, осознание начинает расширяться и играть представлениями в себе. Осознание начинает пользоваться своим воображением как игрой самого себя в себе же.

Прежде всего, необходимо понять, что есть способность воображения и с помощью чего возможна эта игра воображения.

Воображение вообще есть способность создавать представления или же, переконструировать представления в новые представления вообще. Этот материал, которым воображение пользуется, проистекает из чувственности, а значит, это пока чувственный материал и воображение работает с ним. Чувственность вообще есть способность организма как такового. Таким образом, необходим анализ самой чувственности и, следовательно, проистекание представлений воображения, как рефлектированность этой чувственности в сознание.

2. Представления

2.1. Образ. Форма и содержание

Так, этому многогранному присуща некоторая уединённость, очертанность вообще, под которую эта вещь подводится; но прежде, схватывается его содержание. Но содержание удерживается чем-то внешним, что не дает сознанию выйти за пределы воспринимаемого – это есть форма вещи; но форма вещи была бы абсолютна пуста, если бы не было того, чем она наполнена. Итак, форма и содержание в вещи непосредственно связаны как то, что дается сознанию в зрительном – в образе вообще. Форма удерживает содержание, которое в нем является. Но точно так же, содержание есть то, что позволяет форме проявиться. Ибо в сущности, форма есть только благодаря содержанию. Определенное содержание конструирует определенную форму, а эти две в синтезе формируют вещь в целостности. Итак, и форма и содержание есть моменты вещи. Форма как очертанность содержания, а содержание как то, что образует эту очертанность; форма есть вообще граница вещи, которая удерживает ее содержание от вторжения другого образа в эту вещь это позволяет вещам не сливаться в друг друге.

Содержание есть не один момент, а множество, суть которых подводится под форму. Содержание есть наполненность вообще. Итак, эта наполненность как то, что проникает в сознание есть непосредственное восприятие: цвет, текстура. Но это содержание как содержание формы, может содержать и множество форм, как то, что присуще одной, большой форме; например, стул имеет общее очертание – суть форма; эта форма имеет в себе содержание, которое схватывается: цвет, текстура, которая определяется материалом, из которого сделан стул и т.д.; но в сущности, этот стул содержит в себе и ножки, а ножка – есть отдельная форма, имеющая определенное содержание и т.д. Однако, данное разделение не присуще непосредственному чувственному восприятию, а есть разделение с помощью понятий. Итак, в чувственном восприятии даются непосредственно лишь образ вещи. Это многообразие, как форма, а также и многообразие самого содержания – в чувственном восприятии есть единство – вещь вообще; без понятия, сознание не отличает одно от другого, а есть восприятие единства вещи; это единство вещи, в сущности распадается на многообразное вообще, которое впитывает сознание как свой материал. Это материал – есть в сущности то, что дается непосредственно. Непосредственно дается и цвет, текстура и т.д., как чистая чувственность; она закрепляется в сознании, ибо сознание уже проявилось в себе и укрепилось во внешнем вообще; оно видит себя. Это многообразное в непосредственном, очертывается формой, которая позволяет отрицать иные вещи в этой вещи, а именно, пространственно различать одно от другого.

Сознание вообще сначала схватывает некоторое многообразное, которое оно подводит в вещь в целостности; это многообразное есть и форма и содержание как два момента вещи; сознание очертывается формой, как границей вещи, оно удерживает содержание, а содержание наполняет эту форму, как то, что присуще вещи. Это два неотделимых момента вещи. Ибо когда мыслится форма, то этой форме присуще некоторое содержание; мысля же содержание – мы обнаруживаем, что оно имеет форму; необходимо единство этих двух моментов.

Итак, как мы видим, содержание в вещи дается непосредственно, и оно перетекает в форму, как то, что не позволяет выйти за грань вещи; форма есть удержание сознания в самой вещи; негация формы есть слияние одной вещи с другой вообще. Это очерчивание одной вещи от другой происходит в пространстве вообще. Пространство есть чистая форма чувственности, в которой сознание существует. Итак, тут сознание поглащает из чувственой вещи и содержание ее как то, что имеет в себе форма, а форма наполняется из-за содержания; это в совокупности есть вещь вообще – единство обоих этих моментов.

В сущности, эта чувственность, которая рефлектировала в сознание, есть образы воображения, они стали единым с сознанием и есть в сознании. Это единство в сознании в сущности и есть то, что позволяет воображению играть этими образами; ибо воображение как рефлектированное извне сознание есть способность в себе же воспроизводить внешнее. Таким образом, поскольку сознание познает вещи, просыпается от инстинктивного сна, направляется вовне и в нем себя видит – оно обуздывает это внешнее и внешнее перетекает вовнутрь сознания. Это внешнее содержание неимоверно многообразно и это многообразное сознание покоряет как свое содержание.

2.2. Звук

Звук есть то, что воспринимается сознанием через другой орган – ухо. Впрочем, звук дается не так постоянно, как зрительная перцепция, не как восприятие света или цвета, текстуры и т.д. Звук должен проявиться как влияние одной вещи на другую, как их взаимодействие или взаимодействие вещи с самим сознанием. Звук есть отдельный, не непосредственный феномен; он не так постоянен за счет своей природы: если свет и глаза в сущности есть то, что необходимо для восприятия образа, то для звука должен быть произведен отдельный феномен.

Звук в целостности своей есть некоторое третье, что позволяет сознанию рефлексироваться в себя же, о чем мы скажем еще далее в разделе о творческом рассудке. Звук есть то восприятие, что проявляется непосредственно в сознании, наподобие голоса: это то, что рефлектирует сознание в себя же; в зрительном образе дается восприятие внешнего вообще, отделенность сознания от вещи; звук же есть рефлектированность в себя же, ибо звук вибрирует в сознании непосредственно, хотя и проистекает из другой вещи. А именно: зрением пока вещь дана внешне; звук же, хотя и проистекает извне, но само восприятие звука есть работа сознания в себе же. Звук замыкается в себе и есть чистое, то что работает в самом сознании; внешний же образ, есть образ внешнего вообще. Звук сам по себе многообразен, и именно это многообразие позволяет воображению играть; эта игра проистекает из-за способности самого воображения воспроизводить материал в любом порядке.

2.3. Тактильность. Обоняние. Вкус

Тактильность и тактильное есть данное через прикосновение к вещи. Это простое схватывание, то, что позволяет осознать вещь как связь сознания в телесности и связь внешней вещи. Именно, в тактильности, в соприкосновении с вещью сознание обретает облик чего-то наличного, телесного; как то, что позволяет ощутить свое тело, через тело, следовательно, сознание как проявляющееся вовне, - и наконец познать вещь во внешнем.

Если образ как зрительный образ – дан сознанию в зрении и сознание познает внешний мира как царство цвета, чего-то божественного, непосредственно данного (точно так же и звук дается сознанию в своей чистоте восприятия, как того, что влияет вне зависимости от сознания на сознание) – то тактильность вообще есть связь моего тела с вещью и в этом взаимодействии оно делится на активное и пассивное; первое – есть непосредственное восприятие вещи через желание сознания и его действие;

второе – есть восприятие вещи непосредственно на сознание (не учитывается воля сознания). Итак, телесность есть выход вовне через телесность вообще, а не непосредственно, как было с образом или звуком: они давались в своей чистоте.

С запахом обстоит дело похожим образом, как и со звуком. Но запах проистекает от вещи непосредственно, и не дается в той чистоте, в которой является звук; запах – истечение от вещи, как его природа, что далее, перетекает во вкус. Звук же – чист и в этой чистоте в него не проникает ничего телесного и так, сказать, вкусового вообще; он очищен от загрязнения чувственности – он есть чистая чувственность.

Итак, мы описали и саму чувственность, а, следовательно, и те представления, которые рефлектируют в сознание, и таким образом, эта чувственность покоряется сознанием, срастается с ним, и в этом срастании, поскольку сознание видит себя – становится частью целого; целое же и то, что покоряет эти части - есть осознание. Мы описали и то, как они являются в сознании: от непосредственно данного в сознании – как зрения, и далее звука, который перетекает во связь с вещью – в тактильное, где далее, проявляется запах и вкус; и то, как они взяты в своей чистоте проявления: от зрения и звука – до запаха и вкуса. В самом деле, образ и звук могут быть даны на большом расстоянии и для их восприятия не нужно напрямую взаимодействовать с объектом, чего не скажешь о запахе: запах истечение самой сути вещи, а звук есть связь вещи с другой вещью, и он может быть воспринят без знания самой вещи; вкус же есть уже прямое вкушение и познание вещи.

3. Игра воображения. Хаос

Итак, осознание с содержанием в себе есть воображение. Оно теперь в себе имеет представления, оно восприняло чувственность и имеет эту чувственность в себе же. Оно не есть простые и пустые ощущения как инстинкты, но и не те голые чувственные привычки, а теперь суть осознанное

в себе сознание, которое видит чувственные представления и рефлектирует их в себя. Оно в себе начинает их использовать, играть ими.

Игра воображения, которое только рефлектировалось в себя – есть хаос представлений. Эти представления еще неочерчены понятием, они не имеют форму, возникают сумбурно и сознание не владеет ими полностью. Тут еще не идет речь о тех представлениях, которые формируются осознанием в осознанном виде, в форме некоторых четких образов, наподобие того, как в античности изображали кентавров, или наподобие того, как осознание создает образ единорога – как синтеза лошади и рода птиц вообще – тут речь лишь идет об некотором инстинктивном начале, о произвольном детском хаосе. Они похожи на волны в море, которые обрушиваются на скалы при грозе. Представления захватывают осознание, оно тонет в них. Это детское осознание, которое имеет в себе образы в неурегулированном виде, в форме хаоса уже не внешнего, а внутреннего. Если ранее, хаос внешнего, хаос вещей вообще осознанием снимался через конкретизацию – из последней он, далее, осознание рефлектируется в себя – то тут происходит хаос не внешнего, а хаос внутреннего. Многообразное содержание, чувственные представления самосознания, которое оно теперь имеет в себе – простые созерцания, а также единство этого многообразия (что в сущности есть вещь) захватывают это молодое, еще неопытное осознание – осознание уходит в себя из внешнего и видит эти представления. Оно складывает их, преувеличивает, уменьшает – играется вообще. Эта игра еще не та игра, в которой даны правила и которые осознание само установила для себя; эта игра есть игра, навязанная самосознанию собой же. А именно в непроизвольной форме, будто корабль, который во время грозы вышел в море и терпит следствие своего поступка.

Игра – есть хаос представлений в сознании. Осознание конкретизирующее, рефлектирующееся, далее, в себя же уже с содержанием, непроизвольно начинает эти представления модифицировать. Осознание как форма сознания, и его способность – воображение есть в сущности власть над представлением. Если ощущения и чувственность, которые только

воспринимаются есть нечто независимое от сознания, то представления, которые проистекают от этих вещей, т.е. возвращаются в осознание охватываются последним, и оно имеет полную власть над ними. Эта власть еще не осознана в этом неопытном самосознании. Власть приобретается через понятие; последнее есть органон духа, через который он проявляется в себе же и для себя же. Итак, власть есть еще хаос, а именно, осознание не умеет контролировать эти представления в себе. Эти представления вырываются в этом самосознании, имеют власть над ним: то произвольно всплывают, захватывают трон воображения и снова спадают; то видя вещь, осознание рефлектируется в образ этой вещи и через привычку, это представление о вещи берет верх, осознание пугается. Бывает и такое, что представления под активностью самого самосознания начинают бурлить, выдавать некоторую творческую деятельность: осознание старается тут взять верх над этими представлениями, словно капитан пытается усмирить паникующий экипаж, но это получается несколько неумело, и эти представления есть вообще неоформленное или тусклое, или слишком яркое – в целом же неоформленное. Этот хаос наличествует пока сознании, представления тиранизируют молодое осознание, осознание которое есть законный наследник власти, и далее, которое должно взять вверх над этими представлениями.

4. Структурирование представлений

Осознание сначала отдает престол власти. Оно покорно существует в этом хаосе представлений. Однако, осознание в себе есть общее свое развитие, как выход вовне; выход вовне продолжается как общее развитие самосознания в то же время, как и даны ему эти представления воображения. Развитие и выход вовне никуда в процессе самосознания не нигилирует, а существует в самом процессе самосознания. Осознание в своей сущности и есть бытие вовне и бытие в себе через это бытие вовне. Таким образом, в своем в своем естественном бытии вовне, оно обнаруживает отличие бытия представлений в

себе и бытия вещей вовне. Это отличие следующее: бытие представлений есть бытие в себе как абсолютно изменчивое, постоянно возникающее и следом исчезающее; бытие вещей – есть устойчивое, постоянное. Таким образом, осознание научается различать бытие вещей и бытие представлений. Первое как устойчивое, а второе видит как преходящее. Оно видит, что представления вообще есть бытие несущественное, ибо оно, то есть, то его нет; это бытие представлений есть что-то несущее вообще по сравнению с бытием вещей.

Бытие вещей есть налично сущий мир; бытие представлений – есть бытие в себе. Осознание обнаруживает эту закономерность. А именно: осознание видит бытие представлений, как что-то, что есть в себе, что есть независимо от вещей, как что-то преходящее и случайное в отношении к вещам. Вещи же есть бытие устойчивое, само по себе пребывающее, независимое от бытия самосознания. Осознание схватывает эту разницу.

Схватывание этой разницы и сравнения бытия вещей и бытия представлений позволяет ей осознать сущность этих представлений. Они несущие, что-то случайно произведенное самим осознанием; они негация вещности и бытия вовне. Но вещность точно так же есть отрицание этих представлений, как что-то устойчивое и законное, имеющее порядок. Итак, по сравнению с бытием вещей, эти представления несущие, не имеющее устойчивости. Однако, они есть наличествующее в самосознании и выражают его бытие; бытие же вещей выражает сущее как таковое. Итак, осознание в себе терпит противоречие: для него имеет значение как то, и другое. Но за счет устойчивого бытия, оно начинает видеть эту преходящность и случайность через сравнение с устойчивым бытием вещей. Тем самым, оно и осознает, что представления есть его представления. Представления рефлектируются в осознание как его представления. Оно осознает момент того, что эти представления его продукт.

Однако, это бытие осознанных представлений как его представлений не есть еще бытие структурных и оформленных представлений. Они все еще тусклы, бесформенные. Осознание больше не боится своих же представлений;

но они еще как представления беспорядочны, осознание не может полностью покорить их как его бытие. Для этого ему нужны понятия. Приобретая же понятие, осознание становится рассудком.

…

Итак, в этом разделе мы проследили то, как сознание, как непосредственный инстинкт, как самое простое бытие становится воображением, как рефлектированностью самосознания в себя же через представления. Этот этап есть вбирание в себя материала для существования вообще. Без него осознание было бы пустым и несущим, неосознанным вообще. Далее мы увидим, как это рефлектированное осознание через воображение становится рассудком, как бытием в понятиях. Это бытие в понятиях есть бытие самосознания как осознания этого самосознания, его бытия вообще; ибо через понятие и слово осознание становится собой, видит себя абсолютно, видит и очерчивает все бытие вокруг. Итак, следующий раздел начнем с перехода от рефлектированности самосознания в себя же, и его осознанности представлений в становление слов как бытия звука, как голого представления, и далее, покажем его становление как бытие знаком для самосознания, которым последнее пользуется, и становится рассудком как таковым.

Раздел второй. Рассудок

Глава первая. Понятие

Понятие – есть простое чувственно-рефлектированное бытие звука, как слово вообще. Это первое схватывание понятия. Понятие еще есть нечто очень простое, что-то проистекающее из чувственного, из звука вообще. Наподобие того, как осознание вообще становится бытием для-себя, точно так же и то, что оно использует будет становится все богаче и богаче в своем содержании: в том числе и воображение, и понятия.

Итак, понятие – есть слово, которое воспринимается из внешнего, как обычное звуковое представление. Оно есть внешнее бытие, бытие звука, которое рефлектируется в сознание и есть уже представление. Само слово и его появление в самосознании возможно лишь за счет способности самосознания воспроизводить представления в себе. Слово проистекает извне и рефлектируется осознанием в себя. Но теперь оно и осознает это представление как представление и знает, что это представление есть акт самого самосознания. Но это рефектирования звука – есть не пустое представление, а наполненное сущим духом: оно проистекает от духа, от разума вообще и рефлектируется этим неопытным осознанием в себя не как пустой образ или пустой, моментный звук, а обогащенное некоторым содержанием вообще.

Этот звук из пустого эха внешнего мира, приобретает в самосознании как осознанности своих представлений некоторое содержание. Содержание вообще есть нечто иное, нежели сам этот звук или слово. Слово есть знак предмета. А само содержание есть сам предмет. Таким образом, осознание осознавая это представление, осознает и его содержание. Итак, осознание видит звук, внешнее, форму – как пустое слово и видит вещь и предмет, на который этот знак указывает. Это все представление есть представление рефлектированное в осознание извне. Оно становится бытием самосознания,

и его частью, за счет осознанности самосознания и его представлений в себе же. Таким образом, сам звук рефлектированный в себя есть свой же звук, и точно так же содержание, которое подводится под этот звук, есть свое же содержание, как свое представление, - эта целостность есть его бытие, которым оно может теперь пользоваться как своим представлением. Этим звуком и знаком – словом вообще, он указывает на предметы другому, родственному духу, и тем самым, с ним общается. Рефлектированное слово в своей целостности (т.е. бытие пустого слова, как звука и его наполненности содержанием) в себя же – есть бытие вещей и предметов для самосознания как абсолютно осознанное бытие, ибо в этом акте рефлектирования представлений в себя же, оно видит себя как свое бытие и свой акт: слова становятся его же бытием и выражают бытие самосознания абсолютно.

Слово или понятие, в сущности есть инструмент самосознания, которым оно обозначает вещи, общается, рефлектирует в себя, очерчивает границы содержания вещи. Под слово подводится определенное содержание. Это содержание в себе многообразно; оно равно тому представлению, которое схватывает осознание и которое подводит под это слово. Таким образом, наподобие того, как осознание конкретизировало себя, свою природу через познание и конкретизирование содержания вещей – точно так же эту конкретизацию, и, следовательно, результат этой конкретизации как рефлектированное в себя бытие, бытие представлений – подводится теперь под слово, знак. Единство этого процесса есть теперь бытие самосознания как его акт, который в этом содержании видит рамки вещи, а именно, за счет того, что и многообразное содержание вещи в представлении о вещи также очерчено формой слова. В этом содержании определенного слова вообще дана определенная вещь: ее многообразие и ее единство; простое представление или синтез многообразного вообще.

Итак, слово – есть абсолютная мощь, в которой осознание видит это свое представление, это свое рефлектированное бытие как свое бытие и тем самым очерчивает бытие вещей. Теперь осознание становится рассудком.

Рассудок – есть модус самосознания, в котором оно структурирует свое бытие в понятиях, подводит представления под понятия.

Итак, по порядку разберем сущность понятия в форме слова. Необходимо понять, что есть слово, что содержит и как помогает самосознанию реализовать себя.

А.Язык.

Язык - есть средство коммуникации. Поскольку сознание воспринимает слова, то оно, следовательно, воспринимает их в определенном модусе: знаках и значении. Язык делится по форме на знак и на звук. Знак есть то, как слово воспринимается в письменности, а звук есть то, как слово звучит в устной речи. Именно две эти вещи и составляют формальную сущность языка. Остальное же дело содержания, того, что содержится в знаке и звуке, что под этой формой подразумевают. Однако, сам звук есть в сущности точно также и знак для воспринимающего; звук содержит определенное содержание и на это намекает знак, определенное звучание слова. Итак, формальная система языка есть знак письменный и знак звучащий — они сообщают сознанию определенное содержание. Слово в себе есть знак как знак звука, устный знак и знак письменный, иероглифический; одно слово есть единство этих двух моментов, но самое главное в слове есть содержание, значение.

Итак, сознание рефлектируется извне как звука в себя, и таким образом, воспринимает звук, как знак слова. Звук есть внешнее, что намекает сознанию на содержание, на вещь. Этот звук рефлектируется сознанием в себя, видит звук как знак, как то, что намекает на определенное содержание, и тем самым, обретает в себе представление об этом звуке, как знаке содержания. Поскольку сознание видит свои представления как свои, постольку оно научается пользоваться этими представлениями, понимает, что этот звук есть знак о вещи, а не пустое, без содержательное — не шум внешнего восприятия.

Сознание воспринимает один звук за другим, звук есть знак содержания и в своем многообразии, — слова вообще, — которые воспринимает сознание, и, таким образом, оно впитывает язык как систему знаков. Эта система знаков принята сознаниями вовне его как общая система субъектов. Таким образом, множество сознаний образуют эту систему знаков — слов вообще; система слов есть язык. В сущности, же, язык образуется постольку поскольку, среди субъектов принят определенный знак, который подведен под определенный звук и который содержит определенный смысл — это есть слово; множество таких моментов есть множество слов как система — язык. эта система принята среди субъектов, и теперь, сознание вклинивается в эту систему.

В. Коммуникация

В-первую очередь сознание рефлектируется вовне, а не в себя. В самом деле, поскольку сознание есть в форме самосознания и рефлектирует в себя знаки с определенным содержанием как звук – т.е. слово вообще, то оно стремится систематизироваться в этом процессе.

Сознание обнаруживает богатую систему слов – язык вообще как то, что рефлектируется в сознание. Оно видит, что знак как звук имеет определенное содержание, оно исходит извне, и сущность знака как того, что исходит от иного сознания – заставляет само сознание выйти вовне. А именно за счет того, что сознание видит, что иное хочет ему что-то сообщить, установить связь, получить некоторую реакцию, воссоединиться, оно не рефлектируется с помощью слов в себя, а для начала связывается с этим иным сознанием.

Связь с иным тут естественна. Подобно тому, как «Я» выходит сначала в объект и вовне, ибо не имеет содержания для рефлектированности в себе – точно также осознание тут не имеет практики в рефлектированности слов в себя – это раз, а два – это то, что осознание само научается у иного использовать слова. Осознание видит то, что звук как знак есть некоторое сообщение содержание о чем-то, оно это понимает, рефлектируется в себя за

этим содержанием, чтобы воспроизвести это содержание из себя вовне, но не облекает себя в эту форму содержания, а в-первую очередь, воспроизводит то содержание, которое сообщает ему иное сознание; это воспроизведение, или повторение, есть научение (или, также обучение), закрепление содержания в себе.

Итак, первый этап: сознание рефлектируется в себя в использовании слов, как повторение за тем, что сообщило ему иное. Это закрепление содержания от иного. Далее же, оно постепенно учиться использовать содержание как то, что имеется в себе в закрепленном виде: в повторении содержания оно закрепило его, и это представление стало его содержанием.

Второй этап: становления представления как его представления, как то, что закрепилось в сознании и оно извлекает его из него в произвольной для себя обстановке. А именно: оно видит, что иное сознание, иной субъект, стремится связаться с ним, и по ситуации оно подбирает определенные представления, дабы точно также дать нечто знать этому иному сознанию. Это есть процесс коммуникации в его живом виде. Это неимоверно важный этап для самосознания. А именно поскольку, постольку осознание научается пользоваться словами – слова становятся тем, что оно извлекает из себя, слова есть некоторое осознанное содержание, которое позволяет выражаться этому самосознанию; благодаря словам оно становится как дух, как субъект, как то, что выражает свое осознание, свою самость. Однако, оно еще не облекает свою самость в форму слов, а облекает лишь некоторое внешнее содержание, представления об объектах вообще. Оно еще не есть абсолютное осознание. Однако, оно еще не есть то творческое осознание, которое воспроизводит, сообщает свое содержание – те содержания, которые оно переоформляет с помощью воображения – вовне. Оно есть лишь коммуникативное осознание, которое сообщает словами то содержание, которое его волнует. Это рефлектирование из себя вовне есть лишь излияние словесное; но поскольку в то же время оно есть это самосознание без осознания себя в форме слов, а есть лишь внешнее излияние, некоторого чуждого содержания – то оно есть лишь

некоторая пустота этого выхода вовне и коммуникации, еще неимоверно абстрактное в своем акте.

С. Абсолютное «Я»

Коммуницирующее сознание есть сознание, связывающее с иным сознанием с помощью слов. Эти слова вообще не пусты, а содержат определенное содержание, содержание как то, что рефлектировалось в сознание извне; оно осознанно подводит представление под слово, содержание под чистую форму, знак. Итак, таким образом, оно научается подводить определенное представления в нужную форму и в нужное время и ситуацию. Однако, оно еще выход во внешнее, без того, чтобы рефлектироваться в себя, придать себе форму знака и видеть себя как представление, которое оно подводит под этот знак. Однако, до этого остался лишь шаг.

Содержание как излияние вовне, теперь перетекает вовнутрь. В самом деле, оно сообщает иному сознанию содержание, и тем самым, видит, что его представления есть его сущность, то, что проистекает из него же. Оно тем самым рефлектируется снова в себя, видит себя как представление и видит, что сознание есть точно так же некоторое представление, но представление как существующее внутри: оно само становится своим же представлением. Это рефлектированность вовнутрь себя есть абсолютный акт.

Абсолютный акт рефлектированности в себя - есть подведения себя как представления в форму знака – слова вообще, и таким образом, оно видит свое сознание, свое «Я»; видит себя как то, что есть это «Я». Оно понимает, что то, что представляет есть само же оно, и покрывает эту мысль в вуаль формы знака как «Я». Оно как «Я» видит себя, видит, что «Я» есть «Я».

Итак, сознание стало основанием и, далее, осознанием, осознание в своем модусе познавало себя как воображение, как игра представлений, а воображение перетекло в рассудок, который покрывает свои представления в форму знака; ключевым моментом всего этого движения есть становление

абсолютного самосознания. Абсолютное самосознание же есть становление личности как таковой; в этом процессе самосознание видит свои интересы, привычки, все свое содержание, все свою внутреннюю и внешнюю сущность; абсолютное самосознание не есть еще абсолютный рассудок, а тем более и разум. Разум же есть то, что понимает себя как абсолютное «Я», как то, что понимает, что все метафизическое внешнее созерцание определенно им же и благодаря ему есть; абсолютное самосознание есть нечто еще эмпирическое, чувственное; разум же есть осознание себя как метафизическое «Я», трансцендентальное и трансцендетное. Это различие станет более ясным из дальнейшего изложения.

Глава вторая. Абсолютное самосознание

Итак, абсолютное самосознание – есть осознания себя и всего своего содержания; однако это лишь постулировано. Из того, что оно знает себя как «Я» есть «Я», не следует, что оно знает весь наличный мир и этот весь наличный, внешний мир, как то, что есть для него. Итак, перед самосознание есть абсолютное самосознание, поскольку оно рефлектируется в себя и видит себя как «Я». «Я» есть «Я».

Из простого видения себя как «Я», оно перетекает в бытие с содержанем, в бытие для-себя. Это происходит за счет подведения того, что есть самосознание внутри себя и то, что оно есть в своих представлениях как то, что внешне по отношению к себе. Итак, в себе оно делится на «Я» есть «Я» и на то, что его представления есть его представления. То, что оно изливает свои представления вовне, еще не есть момент того, что оно подводит эти представления под «Я»; в предыдущем этапе самосознания слова есть чистое излияние без рефлектированности вовнутрь; теперь же, эти представления рефлектируются в себя и это рефлектирование в себя есть бытие «Я». Однако, это бытие словом в форме «Я», есть простое бытие без содержания. Тем самым эти два момента необходимо объединить.